

КОНДАКАРНОЕ ПЕНИЕ В ИСТОРИИ ПРОСТРАННЫХ РАСПЕВОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Галина Андреевна Пожидаева

Доктор искусствоведения, профессор,
Высшее театральное училище (институт)
им. М. С. Щепкина при Государственном
академическом Малом театре России

Почтовый адрес: ул. Неглинная, 6/2, стр. 1–2,
Москва, 109012, Россия

Электронный адрес: pozhidaeva.galina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0572-4887

Аннотация

Статья посвящена самому раннему виду пространного пения русского Средневековья — кондакарному распеву, который предназначался для кафедральных соборов. Стиль кондакарного пения можно сегодня представить по отдельным образцам, пробные расшифровки которых выполнены автором. Кондакарный распев относится к стилю «монументального историзма» (термин Д. С. Лихачёва); его уникальность заключается в том, что он, в отличие от знаменного распева, не имел аналогов в фольклоре той эпохи. Техника пространного пения была перенесена из Византии, в фольклоре она появляется не менее чем на 400–500 лет позже. В статье прослежена история развития пространных распевов в русском церковном пении и показана преемственность кондакарного пения в новых распевах Московской Руси. Характер эволюции раскрывается в различных аспектах: полижанровый состав Кондакарей, общий для византийских Пападикиков и русских Обихода и Демественника; техника пения «на подобен»; возрождение стиля «монументального историзма» в период «второго монументализма» (термин Д. С. Лихачёва), когда возникает большой распев разных видов: большой знаменный, большой путевой и большой демественный; возрождение некоторых особенностей кондакарного пения — аненаек и хабув, грецизмов — в путевом и демественном распеве; частичное заимствование форм кондакарной нотации в так называемом «дробном знамени» при записи мелизматки знаменного распева. Проводится параллель Палеологовского Ренессанса и русского духовного Возрождения в период Московской Руси. Многовековая эволюция пространного пения в русской духовной музыке определила мелодичность и распевность как важнейшие типологические свойства отечественного профессионального искусства, а кондакарное пение, как ранний пространный распев, сыграло в этом главную роль.

Ключевые слова

Кондакарное пение, новые пространные распевы, «монументальный историзм», «второй монументализм», типология русской классической музыки

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Статья доработана автором 20 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 28 ноября 2025 г.

Цитирование: Позхидаева Г. А. Кондакарное пение в истории пространных распевов средневековой Руси // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 9–35. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.01>

KONDAKARNOIE PIENIE IN THE HISTORY OF MELIZMATIC CHANTS OF MEDIEVAL RUS'

Galina A. Pozhidaeva

Dr. Hab., Professor,
M. S. Shchepkin Higher Theatre School (Institute),
State Academic Maly Theatre of Russia
Postal address: Neglinnaya St., 6/2, building 1–2,
Moscow, 109012, Russia
E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

Abstract

The article is devoted to the earliest type of melismatic chant of the Russian Middle Ages — kondakarnoie pienie, which was intended for cathedrals. The style of kondakarnoie pienie can be imagined today based on individual samples, trial transcripts of which were made by the author. The style of kondakarnoie pienie belongs to the style of “monumental historicism” (a term of D. S. Likhachev); its uniqueness lies in the fact that, unlike znamenny raspev, it had no analogues in the folklore of that era. The technique of melismatic chant was transferred from Byzantium, ahead of its appearance in folklore by at least 400–500 years. The article traces the history of the development of melismatic chants in the Russian Church and shows the continuity of kondakarnoie pienie in the new chants of Muscovite Rus'. Its evolutionary character is revealed in various aspects: the polygenre composition of Kondakar', common to the Byzantine Papadiki and the Russian Obikhod and Demestvennik; the technique of singing “prosomoia”; the revival of the style of “monumental historicism” in the period of “second monumentalism” (a term of D. S. Likhachev), when melismatic chants of different types appeared: bolshoy znamenny, bolshoy putevoy and bolshoy demestvenny; the revival of some features of kondakarnoie pienie — anenaiki and khabuvy, grecisms — in putevoy and demestvenny chant; partial borrowing of forms of kondakarian notation in the so-called “drobnoye znamia” when recording the melismatics of znamenny chant. A parallel is drawn between the Palaeologus Renaissance and the Russian spiritual Renaissance during the period of Muscovite Rus'. The centuries-long evolution of melismatic chants in Russian sacred music defined melody and melodiousness as the most important typological properties of domestic professional art, and kondakarnoie pienie, as an early melismatic chants, played its leading role in this.

Keywords

Kondakarnoie pienie, new melismatic chants, “monumental historicism”, “second monumentalism”, typology of Russian classical music

Received 30 September 2025

Revised 20 November 2025

Accepted 28 November 2025

For citation: Pozhidaeva, G. A., 2025. Kondakarnoie Pienie in the History of Melismatic Chants of Medieval Rus'. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 9–35. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.01>

Кондакарное пение — самый торжественный и самый ранний вид пространного пения русского Средневековья. Оно звучало в кафедральных соборах в XI–XIII вв., а отголоски его слышны еще в XIV в. Богослужение в кафедральных соборах, творимое высшими церковными иерархами, отличалось большей торжественностью и музыкальностью. И кондакарному пению принадлежала в этом не последняя роль.

До сих пор этот вид пения считается неразгаданным и нерасшифрованным, хотя это не вполне верно. И византологи, и русисты в подавляющем большинстве, обращаясь к прочтению кондакарного пения, преподносят его как слепок с византийской традиции. Однако важно понимать эволюционную природу в развитии и музыкального мышления, и церковного пения — именно из этой эволюционности должен исходить и сам подход к прочтению кондакарного пения. То есть стиль русского церковного пения раннего периода должен иметь проекцию в его позднем периоде. Пространное пение позднего периода — демественный, путевой и большой распевы — несомненно продолжало традицию кондакарного пения как изначального пространного распева. Об этом писал С. В. Смоленский, прекрасно понимая эволюционный процесс исторического развития церковного пения¹.

Автор статьи выполнил несколько пробных расшифровок кондакарных песнопений, которые подтверждают идею С. В. Смоленского о продолжении традиций кондакарного пения в более поздних пространных распевах. Одна из таких расшифровок представлена в данной статье. Наряду с этим в статье выявлены общие черты кондакарного и новых пространных распевов по различным признакам, которые показывают их родство.

Стиль кондакарного пения сегодня мы можем представить не в полном объеме, а по отдельным образцам, пробные расшифровки которых, связанные с последующим историческим развитием пространного пения на Руси, представлены в работах автора этих строк².

Византологи К. Флорос и Гр. Майерс в своих исследованиях пробуют подойти к расшифровке кондакарной нотации.

В работе К. Флороса³ предпринята попытка на единичных образцах сопоставить кондакарную нотацию русских кондакарей с византийской рукописью *Kastoria 8*, составив своего рода подстрочник⁴. Однако это со-

¹ Смоленский С. В. Несколько новых данных о так называемом кондакарном знаменн // Русская музыкальная газета. 1913. № 44, стб. 973–977; № 45, стб. 1007–1010; № 46, стб. 1039–1044; № 49, стб. 1132–1136.

² Пожидаева Г. А. Традиция древнерусской монодии в песнопениях «Типографского устава» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 80–102; Она же. Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007. С. 523–536; Она же. Духовная музыка славянского Средневековья. М.: Композитор, СПб.: Нестор-История. 2017. С. 338–341.

³ Floros C. Universale Neumenkunde. Bd. I, III. Kassel-Wilhelmshöhe: Bärenreiter-Antiquariat, 1970.

⁴ Об этой рукописи подробнее далее.

[illegible]

Kontakion to Boris and Gleb "Vozsija dne". Blagoveshchensky Kondakar'. RNB, Q.P.I-32, L. 52 and 52 reverse. XIIth century. Transcription by the author

Kondakarisches Koinonikon zum Fest der Kreuzerhöhung (Fragment),
Floros, *Neumenkunde*, III, Tafel XXXV, 277 f.

Kastoria 8, f. 25 v

Apoderma Syrma + Katabasma Lygisma + Parakalesma

Blagoves. Kondakar, f. 97 v

NANA Syrma + Katabasma Katabasma Echadin Ligisma Tromikon

ung. Tinagma + Kondeuma Ligisma + Strangismata

ung. Tinagma mit Krouisma Lygisma + Thes kai apothos

Piasma II Stavros Parakalesma

Krouisma Stavros mit Parakalesma

Рис. 2. Причастный стих на Воздвижение Господня

Kontakion to Boris and Gleb “Vozsija dneš”.

Koinonika on the Exaltation of the Cross. C. Floros.

Universale Neumenkunde. T. III. Таблица (Table) XXXV. C. 277.

поставление неубедительно, поскольку оно показывает большие отличия в нотации списков. Кроме того, прочтение ритма у Флороса совершенно неприемлемо для более поздней русской традиции пространного пения, поэтому для кондакарного распева оно также в принципе неверно, поскольку отрицает преемственность и эволюцию музыкального мышления на Руси в процессе исторического развития.

В монографии Г. Майерса⁵ использован метод К. Флороса — сравнительное представление песнопений русских кондакарей и относительно

⁵ Myers Gr. A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarioie Pienie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia: Cyrillo-Methodian Research Centre, BAS, 2009.

близких им византийских списков (Kastoria 8 и некоторых других). Прочтение ритма автор основывает на поздних исследованиях византологов, согласно которым ритм византийских напевов трактуется подобно григорианскому хоралу⁶. Это также неубедительно с точки зрения эволюционного процесса в развитии русской духовной музыки.

Рис. 3. Гр. Майерс. Пример расшифровки из монографии
(Gr. Myers. Example of transcription from the monograph):
Myers Gr. A Historical, Liturgical and Musical Exploration
of Kondakarnoe Penie... P. 217

Несмотря на пока небольшой доступный нам музыкальный материал, он, в силу своей однородности, предоставляет возможность судить о стилистических особенностях этого вида пения. Тем более что в литературоведении и музыкознании имеются обобщения ученых, относящиеся к стилю эпохи, а также показывающие взаимосвязь различных видов искусства в определенные исторические периоды. Так, академик Б. Асафьев писал о музыкально-интонационном словаре каждой эпохи, который тесно связан с ее общественным сознанием⁷. Профессор С. С. Скребков, рассматривая собственно музыкальные признаки доклассического периода музыкального

⁶ Rhythm in Byzantine Chant. Acta of the Congress Held at Hernen Castle (Holland) in November 1986. Edited by Ch. Hannick. Hernen: A. A. Bredius Foundation, 1991; Troelsgård C. Byzantine Neumes. A New Introduction to the Middle Byzantine Musical Notation by Christian Troelsgård // MMB. Subsidia vol. IX. Copenhagen, 2011.

⁷ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 2. Интонация. Л.: Музгиз, 1971. С. 359.

искусства, выделяет как главный принцип остинатности, господствующий в эпоху от древних до средних веков, включая XII в.⁸ В нашем случае духовная музыка раннего Средневековья, которую составляли знаменный и кондакарный распевы, объединяется этим принципом музыкальной организации.

Более обобщенной является позиция академика Д. С. Лихачёва: он высказывался о связи всех видов искусства в определенные исторические периоды, в частности, в период позднего Средневековья.

«Романский стиль <...> охватывает не только зодчество, но и живопись, прикладное искусство»⁹. Этот стиль господствовал в период раннего Средневековья. Для него характерны: «чувство величия, простоты <...>, конструктивная четкость и «правдивость» членения всей композиции, чувство значительности и значимости каждой детали, каждой части произведения»¹⁰. По отношению к литературе X–XIII вв. Лихачёв называл это «стилем монументального историзма».

Если переносить это определение на профессиональное русское музыкальное искусство, то его можно назвать ранним монументальным стилем, или стилем монументализма раннего периода. В этот период в церковном пении господствует знаменный распев, близкий по характеру звучания былинному эпическому сказу¹¹. Другим певческим стилем, соответствующим облику величественных кафедральных соборов, было кондакарное пение, которое в ту пору не имело аналогов в фольклоре. Техника кондакарного распева была перенесена на Русь из Византии и адаптирована к славянской гимнографии, как переводной, так и отечественной. Кондакари конца XI–XIII вв. сохранили кондакарные песнопения в письменной традиции, которая, как показывает ее исследование автором, значительно и по существу отличается от византийской¹².

Опираясь на обобщения о стиле эпохи профессора С. С. Скребкова, академиков Б. В. Асафьева и Д. С. Лихачёва, можно использовать принцип остинатности по отношению к древнему периоду и экстраполировать определение монументального стиля Древней Руси как господствующего в разных видах искусств и на кондакарное пение. В ту эпоху в фольклоре не существова-

⁸ Скребков С. С. О происхождении и стиле древней музыки (принцип остинатности) // Скребков С. С. Художественные принципы музыкальных стилей. М.: Музыка, 1973. С. 22–36.

⁹ Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ См. об этом: Пожидаева Г. А. Значение духовной музыки русского Средневековья для отечественной музыкальной классики // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 20 / гл. ред. О. А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 582–584;

¹² См. об этом: Пожидаева Г. А. О типологическом различии византийской и древнерусской музыкальной письменности // Вестник славянских культур. 2013. № 4. С. 70–78.

ло пространного пения, подобного кондакарному. По степени распевности с ним можно сопоставить русскую протяжную песню, однако этот аналог возникнет значительно позже — не ранее конца XV или конца XVI в. (оценки фольклористов здесь отличаются)¹³. То есть в русской культуре и русском музыкальном искусстве техника пространного пения, перенесенная из Византии, впервые стала применяться в профессиональной среде, опередившей в этом отношении фольклор не менее чем на 400–500 лет. Таково было значение монументального кондакарного пения как раннего пространного пения на Руси. Раннее возникновение такого стиля в духовной музыке позднее окажет значительное влияние не только на развитие русского церковного пения, но и на формирование общей типологии русской профессиональной музыки¹⁴.

Причины раннего развития пространного пения заложены в уставных нормах церковного богослужебного пения, в соответствии с которыми требовалось протяженное по времени звучание, связанное с обрядовыми действиями, такими как каждение храма, целование иконы праздника, причащение мирян и священства и т. д.

Другая причина — заимствование византийской традиции и ее музыкальной письменности. Приняв богослужение по византийскому обряду, Русь заимствовала церковный Устав и его нормы богослужения. В соответствии с Уставом служебные певческие книги были перенесены на Русь из Византии и адаптированы. Это относилось к знаменному и кондакарному пению.

Кондакарные песнопения записывались в особых служебных певческих книгах — Кондакарях. Из византийских источников в научный оборот введено лишь два сохранившихся списка. Первый из них — Ашбурнаменский кондакарь 1289 г., нотация которого византийская шартрская; второй список — Азматикон XIV в. из г. Кастории (Греция), он известен как рукопись Кастория 8, нотация подобна (но не тождественна) русской кондакарной. Ашбурнаменский кондакарь опубликован¹⁵, рукопись Кастория 8 — нет.

¹³ В. Щуров относит возникновение протяжной песни ко времени не ранее конца XV в. См.: Щуров В. Жанры русского музыкального фольклора. В 2 ч. М.: Музыка, 2007. Ч. 1. С. 213. В учебнике по народному музыкальному творчеству под ред. О. Пашиной указано время не ранее конца XVI в. См.: Народное музыкальное творчество. Учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2014. С. 272.

¹⁴ Пожидаева Г. А. Духовная музыка Руси в ее связях с отечественной музыкальной классикой // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 9: Новые направления в современной музыкальной медиавистике: в поисках метода: Сборник статей по материалам Ежегодного международного научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения» 2020 г. / сост. и науч. ред. М. С. Егорова, А. Н. Кручинина. СПб.: Амирит, 2021. С. 256–272; Она же. Духовно-музыкальная культура Руси в ее связях с типологией отечественного музыкального искусства // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21 / гл. ред. О. А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 527–546.

¹⁵ Contacarium Ashburnhamense // Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale IV / ed. by C. Hoeg. Copenhagen: Munksgaard, 1956.

Из русских кондакарей опубликована большая часть — четыре из пяти: Типографский, Благовещенский, Троицкий (Лаврский), Успенский, не опубликован только Синодальный¹⁶.

При перенесении на Русь византийская традиция была адаптирована¹⁷. В чем заключалась адаптация самой певческой традиции? Сейчас об этом судить трудно, но ясно, что она была необходима из-за языка с другой лексикой, которая обязательно требовала иного соотношения напева и текста. Адаптация была необходима и в плане интонации: греческая музыкальная интонация, которая обязательно впитывает особенности речевой, не могла быть принята на Руси без изменений.

Кроме того, поздняя русская традиция церковного пения, возникшая уже в поствизантийскую эпоху, обрела национальную окраску и очень сильно отличалась от византийской, то есть адаптация византийской традиции на русской почве оказалась весьма основательной. Ее начало относится к раннему периоду русского церковного пения, охватывая знаменный и кондакарный распевы.

Круг кондакарного пения объединял песнопения разных богослужебных циклов: кондаки минейные и триодные, а также октайные осмогласные подборки — ипакои и кондаки воскресные, причастны воскресные и седмичные, наконец, осмогласные циклы на один текст — «Всякое дыхание», полиелей, аллилуарий. Песнопения всedневногo цикла были единичными: это «Трисвятое» и его замены («Елицы во Христа креститесь» и «Кресту твоему»), а также причастны¹⁸.

¹⁶ Contacarium palaeoslavicum Mosquense // Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale VI / ed. by A. Bugge. Copenhagen: Munksgaard, 1960; Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar' // Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven / hrsg. von Antonin Dostal und Hans Rothe und Mitarbeit von Dieter Stern und Erich Trapp. Giessen: Schmitz; Köln etc.: Böhlau, 1976-2004; The Lavrsky Troitsky Kondakar / comp. by G. Myers (= Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia) T. 4. Sofia: Heron press, 1994; Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / под ред. Б. А. Успенского. Т. I-III. М.: Языки славянских культур, 2006; Бражников М. В. Благовещенский кондакар / вступ. ст., примеч., сверка указателей, подбор ил. Н. С. Серегиной. СПб.: ИД «Петрополис» / Российский институт истории искусств, 2015; Синодальный кондакар: ГИМ, Синодальное собр., 777, первая половина XIII в.

¹⁷ Алексеева Г. В. Проблемы адаптации византийского пения на Руси. Владивосток: Дальнаука, 1996.

¹⁸ Круг кондакарного пения подробно рассмотрен в публикациях и исследованиях кондакарей: Contacarium palaeoslavicum Mosquense...; Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar'...; The Lavrsky Troitsky Kondakar...; Myers Gr. A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarne Pie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia: Cyrillo-Methodian Research Centre, BAS, 2009; Бражников М. В. Благовещенский кондакар; см. также: Артамонова Ю. В. Структура и состав древнерусских кондакарей // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 1999. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского институ-

Полижанровый состав книги восходит к древнему Тропологию, который в Палестине до IX в. был главной книгой гимнографии¹⁹. Этот тип книги находит продолжение в более позднюю эпоху, связанную с Иерусалимским уставом, — это книги Обиход²⁰ и Демественник²¹. Приведу самоназвание последней книги по самому раннему известному списку: «Книга, гл[агол]емая *демественникъ* творение преподобнаго отца нашего Романа певца Кондакарева»²². Самоназвание свидетельствует о том, что демественное пение воспринималось как непосредственное продолжение кондакарного пения.

Демественник, как певческий вариант Обихода, в своей расширенной (пространной) редакции включает большие циклы причастных стихов, в чем проявляется непосредственное продолжение древнекиевских традиций Кондакаря, иначе трудно объяснить их включение в состав книги²³.

Таким образом, в отношении состава Кондакарь объединяет с более поздними Обиходом и Демественником, несмотря на то что они соответствуют разным Уставам — Студийскому и Иерусалимскому, — сам принцип полижанровости, а также соединение в одной книге всех циклов богослужения — минейного, триодного, седмичного и вседневногo.

Пение «*на подобен*», несмотря на сложный напев, уже применялось в кондакарном распеве, что отмечено в исследованиях этой книги²⁴.

та, 1999. С. 216–221; *Пожидаева Г. А.* Русско-византийские параллели в богослужебной певческой книжности XI–XIV вв. // *Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования* / отв. ред. В. М. Кириллин. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 192–221; *Швец Т. В.* Благовещенский кондакарь — музыкальный памятник Древней Руси: дис. ... канд. искусствовед. СПб., 2018.

¹⁹ *Никифорова А. Ю.* «Сокрытое сокровище». Значение находок 1975 года в монастыре вмц. Екатерины на Синае для истории служебной Минеи // *Актуальные проблемы изучения древнерусского церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): мат-лы межд. научн. конф. 12–16 мая 2009 г.: сб. ст. / сост., отв. ред. И. Е. Лозовая. М.: Московская консерватория, 2011. (Гимнология; вып. 6). С. 8; *Михаил (Желтов), свящ., Епифаний (Булаев), иеродиакон.* Стихирь воскресного Октоиха в древнем Тропологии // *Христианское чтение.* 2018. № 3. С. 95.*

²⁰ Об Обиходе см.: *Бурилина Е. Л.* Взаимодействие слова и напева в древнерусской монодии XVI–XVII веков (На материале певческой рукописной книги «Обиход»): автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1984.

²¹ О составе Демественника см.: *Пожидаева Г. А.* Лексикология демественного пения. М.: Знак, 2010. С. 53–67.

²² ГЦММК им. М. И. Глинки. Ф. 283, № 15. Л. 3.

²³ См.: РГБ, Рогожское, собр. Ф. 368, № 113.

²⁴ *Contacarium palaeoslavicum Mosquense...* P. 1–6; *Der altrussische Kondakar'.* Auf der Grundlage des *Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar'...*; Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века... С. 118–119; *Бражников М. В.* Благовещенский кондакарь... С. 379–382; *Швец Т. В.* Благовещенский кондакарь... С. 131–160; *Артамонова Ю. В.* Песнопения-модели в древнерусском певческом искусстве XI–XVIII веков: дис. ... канд. искусствовед. М., 1998. С. 17–42, 113–125; *Лингас А.* Церковное пение / ст. Византийская империя // *Православная энциклопедия.* М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2004. Т. VIII. С. 355.

Система пения на подобен, как известно, была заимствована из Византии. Известно также, что возможность пения на подобен была заложена в самой метрике литургической поэзии²⁵.

В пении на подобен использовались напевы-модели для различных текстов, поскольку в годовом круге пения звучало огромное их количество (около 60 000²⁶). Пение на подобен больше известно в силлабическом типе распева, начиная с «Подобьниц» Типографского кондакаря.

В пространном типе пения соединение одного напева с разными текстами впервые проявилось в кондакарном распеве, несмотря на то что его круг пения был сравнительно небольшим. И если в Типографском кондакаре нотированы только самогласные песнопения, а для песнопений на подобен указаны только напевы-модели, которые для них использовались, то в более позднем Благовещенском кондакаре XII в. песнопения на подобен уже нотированы — это 92 кондака. В Успенском кондакаре начала XIII в. (1209 г.) нотировано уже свыше 140 кондаков. То, что со временем в кондакарях увеличивается количество нотированных песнопений на подобен, говорит о практическом освоении певческой традиции и ее нотации.

В кондаках использовался повтор напева в первой и второй строках, то есть вторая строка распевалась на подобен первой и напев первой строки служил моделью-напевом для второй.

Позднее такое пение на подобен мы видим в путевом и демественном распеве. Примером пения на подобен в демественном пении является раннее песнопение «На реце Вавилонстей», известное в списках уже с 40-х гг. XVI в., по нашей атрибуции напев его принадлежит новгородскому агиографу и распевщику Маркеллу Безбородому²⁷. Песнопение это очень масштабное, состоит из трех разделов, называемых «статьями», — они-то и распеты на подобен.

Круг одноголосного демественного распева в период позднего Средневековья был весьма небольшим, поэтому пение на подобен в этом распеве применялось редко.

В поздний старообрядческий период, когда круг демественного одноголосного распева был существенно расширен, пение на подобен встречается значительно чаще. Например, в жанре прокимна на великой вечерне седмичные прокимны распеваются только на два напева.

Путевой распев был более распространенным уже во второй половине XVI — XVII вв., охватывал значительно больший круг песнопений, поэтому пение на подобен в нем встречается регулярно. Приведу пример стихир преп. Сергию Радонежскому — четыре стихиры (на подобен «Все отлож-

²⁵ Гарднер И. Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. 2-е изд. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. Т. I. С. 99.

²⁶ Лингас А. Церковное пение... С. 355.

²⁷ Пожидаева Г. А. Лексикология демественного пения. М.: Знак, 2010. С. 75-76.

□

Бѣ - - - - - си - - - - -

па - да - - - - - нь - хъ - хъ - - - - - съ -

хъ - хъ - - - - - прѣ - - - - - слава - на -

□

мѣ - че - ни - - - - -

-ка Хри - сто - - - - - ва,

ро - - - - - ма - ха - ха -

Рис. 4. Кондак Борису и Глебу «Возсия днесь»: первая и вторая строки, распетые на подобен. Благовещенский кондакаръ. Кондакарный распев. Здесь и далее расшифровка автора

Kontakion to Boris and Gleb "Vozsija dneś": the first and second lines are as prosomoion. Blagoveshchensky Condacar'. Condacarny chant. Here and below is the author's transcription

а)

На рѣ - цѣ ва - вил - ло... ва -

а - вил - ло... На

рѣ - цѣ ва - вил - ло - нстѣн тѣ сѣ - ло - хо - мо и

б) [Статья третья]

Гла - го - лю - ща - ѿ: и - ща - и - тѣ,

и - - - щан - тѣ,

гла - го - лю - ща - ѿ и - ща - и - тѣ,

Рис. 5. Псалом 136 «На реце Вавилонстей».

Первая и третья статьи, распеты на подобен.

Демественный распев. РГБ, Вологодское собр., ф. 354, № 144.

Л. 145 об.–148. Середина XVII в.

Psalm 136 “By the rivers of Babylon”.

The first and third stanzas are as prosomoion.

Demestvenny chant. RSL, Vologda collection, f. 354, № 144.

L. 145 reverse – 148. Mid 17th century

а) Го - спо - дь - лостъ тво - а го - спо - ди

б) Ми - лостъ тво - а го - спо - ди

оу - слы - шитъ ма - е - по - же - не - тъ ма - бо - да - бо - зо - ву - е - са - дни - жи - во - та - к - не - ю - му - мо - е - го

Рис. 6. Прокимны седмичны в понедельник и вторник, распеты на подобен.
РГБ, собр. Большакова, ф. 37, № 153, л. 20 об.–21.
Третья четверть XVIII в.

Prokeimena for Monday and Tuesday, chanted as prosomoion.
RGB, collection of Bolshakov, f. 37, № 153, p. 20 reverse – 21.
Third quarter of the 18th century

ше»): «Мирский мятеж», «Преподобне отче, кто исповесть», «Преподобне отче Сергие» и «Богомудре Сергие». В этих песнопениях тип распева менее развитый, чем в кондакарном пении, но тем не менее по соотношению напева и текста он является лицевым, продолжая кондакарный «стиль».

а) Ми-рский мя-теж, пре-по-до-бне,
о-ставль, и взем крест свой, по-сле-до-ва

б) Пре-по-до-бне о-тче, кто
и-спо-весь, тру-ды тво-я
и бо-ле-зни, е-ли-кыя я-зык

в) Пре-по-до-бне о-тче Сер-ги-е,
ты врач ду-шам
и те-лом я-ви-ся, ис-то-ча-я не-дужным

Рис. 7. Стихиры Преп. Сергия Радонежскому путевого распева, распеты на подобен. РГБ, собр. Разумовского. ф. 379, № 75, л. 36 об.–38. Последняя четверть XVII в.

Stikhiry of St. Sergius of Radonezh of putevoy chant, are as prosomoion.
RSL, collection of Razumovsky, f. 379, №. 75, pp. 36 reverse – 38.
Last quarter of the 17th century

Пространные распевы — путевой, демественный, большой — зарождаются и начинают активно развиваться в период позднего Средневековья — период Московской Руси. После завоевания Византии Османской империей (1453 г.) на Руси уже в конце XV в. возникает идея преемственности византийских традиций, которая формулируется сначала как «Москва — новый град Константина», а позднее перерастает в идею «Москва — Третий Рим»²⁸. Эта идея перенесения центра православия в Москву вызывает к жизни обращение к своей истории — Киевской Руси. Москва постепенно осознается как вселенский центр православия. Основанием служит период раннего Средневековья — Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, период домонгольской Руси, период расцвета русского государства после принятия христианства по византийскому обряду, — и в этом плане идеология «Третьего Рима» может восприниматься как тенденция эпохи Возрождения.

В церковном пении с конца XV в. возникают отдельные элементы стиля, непосредственно связанные с ранним периодом после Крещения Руси. И вот здесь возрождаются некоторые характерные черты древней певческой культуры, которые проявлялись именно в кондакарном пении, — это так называемые ананайки и хабувы, которые представляли собой фонетические вставки слогов «а-не-на» и «хе-бу-ве» для увеличения внутрислоговой распевности песнопений.

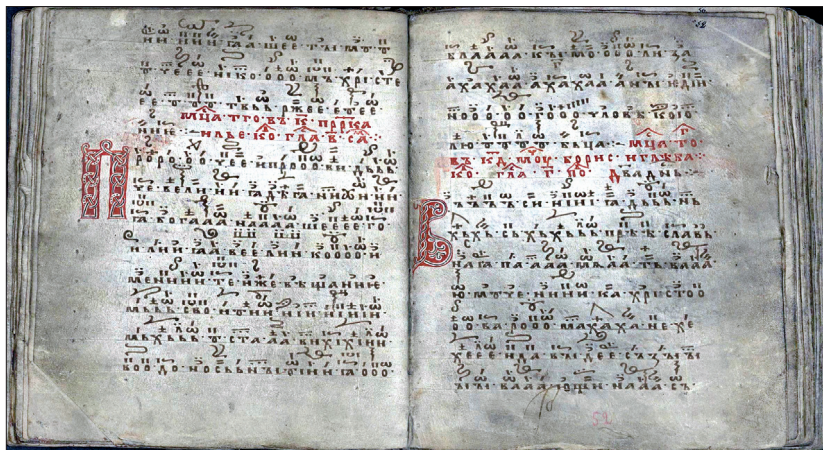
Кроме того, как отголосок богослужебной культуры раннего Средневековья возрождаются грецизмы, проникающие в отдельные песнопения. Долгое время считалось, что это след книжной реформы Евфимия Тырновского, то есть проявление второго южнославянского влияния. Однако Л. П. Жуковская доказала, что грецизмы в русской книжности отражают процесс архаизации языка и культуры и к болгарской реформе не имеют отношения, что и в случае певческой практики подтверждает особое внимание к своей истории²⁹. В церковно-певческом искусстве грецизмы встречались в Кондакарях в виде отдельных слов-вставок и даже в виде целых разделов, как Азматик Благовещенского кондакаря³⁰. В качестве примера приведем грецизмы из Благовещенского кондакаря и раннего демественного пения³¹.

²⁸ Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.

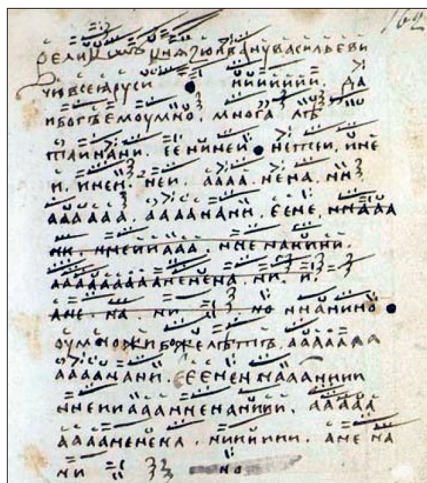
²⁹ Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 371–414.

³⁰ Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. 2-е изд., дополн. М.: Советский композитор, 1971; Швеиц Т. В. Азматик Благовещенского кондакаря // Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С. В. Смоленского / сост. и науч. ред. А. Н. Кручинина, Н. В. Рамазанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 100–132.

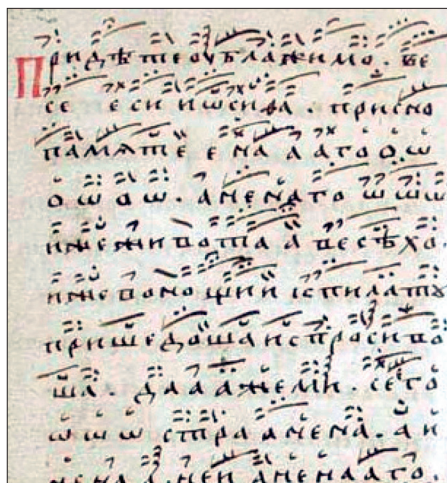
³¹ Фролов С. В. Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 384–386.

а)

б)

в)

Рис. 8.

а) Аненайки в кондаке Борису и Глебу в Благовещенском кодакаре. Л. 52
Anenayki in the contacion to Boris and Gleb in the Blagoveshchensky Codacar'. L. 52.

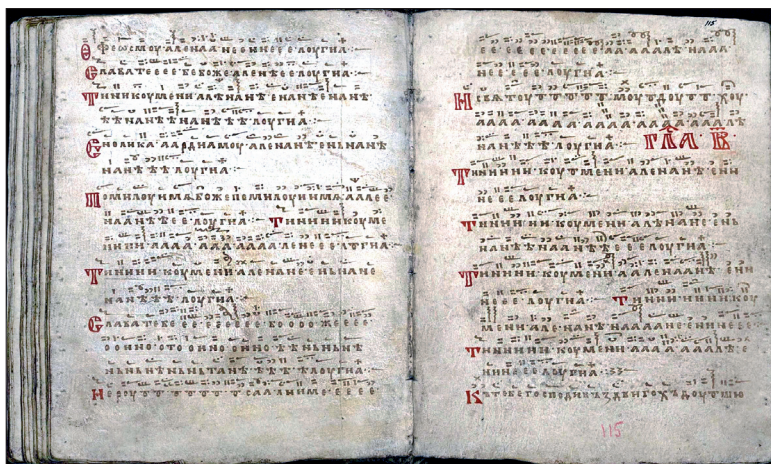
б) Многолетие Ивану III с аненайками. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры.
Ф. 304/I. № 408. Л. 162. Последняя четверть XV в.

Many years to Ivan III with anenayki. RGB, coll. of Trinity lavra of St. Sergius.
F. 304/I. № 408. S. 162. Last quarter of the XVth century.

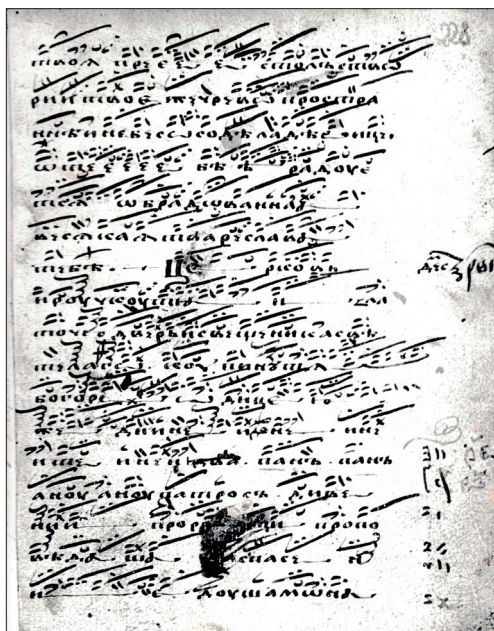
в) Стихира «Приидите, ублажим Иосифа» путевого распева с аненайками.
РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/I. № 409. Л. 321.
Вторая половина XV — начало XVI в.

The sticheron “Come, indulge Joseph” of putevoy chant.
RGB, coll. of Trinity lavra of St. Sergius. F. 304/I. № 409. S. 321.
Second half of the XV — beginning of the XVIth century

а)

б)

Рис. 9.

а) Отрывок из Азматика Благовещенского кондакаря с грецизмами. Л. 115
Excerpt from the Azmatika of the Blagoveshchensky Kontakar' with Greek influences. L. 115.

б) Богородичен «Церковь и ручку» демественного распева с грецизмами.
ИРЛИ, Причудское собр., 97. Л. 228. Конец XV — начало XVI в.

Theotokion "Tserkov i ruchku" of demestvenny chant.
IRLI, Prichudskoe coll., 97. S. 228. The end of XV — beginning of XVI century.

Также в конце XVI в. мы видим оживление интереса к собственной истории в рамках музыкальной письменности. В этот период с развитием пространного пения развивается и его нотация. И здесь своеобразным отголоском звучит возрождение элементов кондакарной нотации в нотациях новых русских распевов — новой, младшей редакции знаменного распева, в распевах путевом и демественном.

Так в кондакарном пении применялась двустрочная запись, более сложная, чем в знаменном. Двустрочная запись состояла из крупных знаков верхней строки, так называемых ипостаз, и мелких знаков нижней, так называемых аналитических, которые более точно фиксировали сам напев. В записи аналитическими знаками фактически не применялась «тайнозамкненность», как в фитах и лицах знаменного пения³². По сути такая запись была подобна записи «дробным знаменем»³³ в более позднее время — в конце XVI в., когда возникло детальное изображение фитных и лицевых напевов. Таким образом, во второй половине XVI в., когда стало активно развиваться пространное пение и происходила мелодизация церковного пения в целом — одновременно развивалась и музыкальная письменность. Важной тенденцией при этом было стремление к более точной записи напевов, поскольку в них возникало множество новых вариантов.

В результате в конце XVI в. в письменной традиции закрепляются устойчивые напевы фит и лиц знаменного распева, которые прежде существовали в полуустной традиции. «Дробное знамя» фактически заимствовало форму записи кондакарного распева, ее возрождали в знаменном пении в период Московской Руси, причем в период *второго монументализма* в искусстве.

Во второй половине XVI в. монументализм кондакарного пения переходит к преемникам пространного пения — демественному, путевому распевам, монастырским напевам.

Непосредственным преемником кондакарного пения по многим признакам становится демественный распев: пространный тип пения, предназначенный для кафедральных соборов, самый торжественный и искусный вид пространного пения, кроме того, в демественной нотации использовались элементы кондакарной. Преемственность в кругу пения проявилась прежде всего в раннем демественном многоголосии второй половины XVI в. — многолетиях царю и митрополиту, ектенья «Господи помилуй» на праздник Воздвижения, когда священник трижды осенял народ крестом (ектенья получила название «осеняльной») и т. д.

Важнейшим этапом в развитии мелодического пространного стиля в русской монодии становится создание *большого распева*. Это было дальнейшее логическое развитие пространного пения. Но если кондакарное, демественное и путевое пение было основано на лицевом типе распе-

³² Тайнозамкненность была основана на условной записи напевов комплексами знаков без точной фиксации самого напева, который сохранялся фактически в устной традиции.

³³ Термин древнерусской теории музыки.

ва, то в большом распеве основой становится фитный распев, в котором каждый слог текста распевадается уже не одной кокизой³⁴, а несколькими, что увеличивает внутрислоговой распев в несколько раз. Иными словами, на основе пространного пения Древней Руси — кондакарного распева — в период второго монументализма создается большой распев, развивающий тот пространный распев, который был в кондакарном пении. Большой распев выводит одnogолосный распев на новый уровень, причем большой распев создается не в одном виде распева, как это было в кондакарном пении, а в нескольких — знаменном, путевом, демественном, монастырских. Это показывает развитие древней — кондакарной — мелизматике на новом историческом этапе, на новом, более высоком уровне.

Таким образом, мы видим развитие традиций ранней мелизматике — кондакарного пения — в период позднего Средневековья в распевах путевом, демественном, большом, а также в монастырских напевах.

Отмеченная тенденция — обращение к своей истории в деталях песнопений и музыкальной письменности — вписывается в исторический контекст эпохи. В европейской культуре и искусстве XV–XVI вв. были эпохой Возрождения, получившей свое название от тенденций обращения к античной культуре. В южной Европе — Италии — гуманизм, в северной Европе — Германии, Нидерландах — антропоцентризм с его вниманием к человеку и природе. На Руси время после Куликовской битвы стало, как считал Г. М. Прохоров³⁵, временем Предвозрождения. Культура Московской Руси с конца XV по середину XVII в. отображает процесс, наиболее подходящим названием которого могло бы стать «русское Возрождение»³⁶. В то время, в частности, складывалось понятие «святой Руси»; духовная музыка переживала свой расцвет в эпоху позднего Средневековья. Русское Возрождение не было основано на итальянском гуманизме или антропоцентризме северной Европы. Для Руси это было время обращения к собственной духовной культуре раннего Средневековья, периоду после Крещения. Этот период расцвета русского государства оказался очень дорог в самосознании новой эпохи, когда, как и прежде, Русь могла развиваться и возрастать, не сдерживаемая внешним давлением монголо-татарского ига, сбросив его ярмо.

Русское Возрождение было подобно византийскому Палеологовскому Ренессансу конца XIII — середины XV в. И так же, как в Византии после изгнания крестоносцев из Константинополя состоялось духовное возрождение и произошел расцвет духовной культуры, и музыки, в частности, так

³⁴ Кокиза — краткий устойчивый мелодический оборот, обладающий интонационно-ритмической характерностью и структурной завершенностью. Термин употреблен в древнерусской теории музыки.

³⁵ Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 3–17.

³⁶ Этой проблеме посвящена статья автора: Пожидаева Г. А. Ренессансные черты в русской духовной музыке второй половины XV — первой половины XVII веков (в печати).

Догматик «В Чернем море»
Глас 5-й
Напев Фёдора Крестьянина
Последняя четверть XVII в., РГБ, собр. Разумовского, ф. 379, № 4, л. 108–110 об.

а)

Стихира «Приидите, убожим Иосифа»
Большой путь тропицкий
Глас 5-й
Вторая половина XVII в., РГБ, собр. Разумовского, ф. 379, № 1, л. 65–71

б)

Рис. 10.

а) Догматик напева Фёдора Крестьянина большого знаменного распева.
РГБ, собр. Разумовского. ф. 379, № 4, л. 108–110 об. Последняя четверть XVII в.
The dogmatic Melody of Fyodor Krystyanyn of the great znamenny chant.
RSL, collection of Razumovsky, f. 379, № 4, pp. 108–110 reverse.
Last quarter of the 17th century.

б) Стихира «Приидите, убожим Иосифа» большого путевого распева.
Напев Ионы Зуя (?). РГБ, собр. Разумовского. ф. 379, № 1. Л. 65–71.
Вторая половина XVII в.
Hymn “Come, let us glorify Joseph” of the great putevoy chant.
Melody of Iona Zuy (?). RSL, collection of Razumovsky. f. 379, No. 1. pp. 65–71.
Second half of the 17th century.

и Русь после освобождения от татарского ига переживает период расцвета именно духовной культуры как период своего духовного Возрождения.

Создание новых пространных распевов на основе традиций кондакарного и фитного знаменного пения означало на практике новый исторический этап, когда происходила существенная мелодизация церковного пения, органичная переработка византийских традиций, возникла национальная русская школа церковного пения, развивалась музыкальная письменность.

Преемственность традиций кондакарного пения в новых пространных распевах, эволюция этих традиций и создание качественно нового, более совершенного по своим композиционным и художественным достижениям большого распева сыграло важную роль в дальнейшем развитии русской профессиональной музыки.

Многовековая эволюция пространного пения в русской духовной музыке в итоге приводит к тому, что в отечественном профессиональном искусстве мелодичность и распевность становятся важнейшими типологическими свойствами, вне которых для нас русская музыка немыслима. При этом следует понимать, что именно кондакарное пение, как ранний пространный распев, сыграло главную роль в формировании важнейших качеств в типологии русского музыкального искусства.

Источники

- ГИМ, Синодальное собр., 777. Кондакарь. Первая половина XIII в.
 РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/І. № 408. Л. 162. Последняя четверть XV в.
 РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/І. № 409. Л. 321. Вторая половина XV — начало XVI в.
 ИРЛИ, Причудское собр., 97. Л. 228. Конец XV — начало XVI в.
 ГЦММК им. М. И. Глинки. Ф. 283. № 15. Демественник. Начало XVII в.
 РГБ, Вологодское собр. Ф. 354. № 144. Л. 145 об. — 148. Середина XVII в.
 РГБ, собр. Разумовского. Ф. 379. № 1. Л. 65–71. Вторая половина XVII в.
 РГБ, собр. Разумовского. Ф. 379. № 75. Л. 36 об. — 38. Последняя четверть XVII в.
 РГБ, собр. Разумовского. Ф. 379. № 4. Л. 108–110 об. Последняя четверть XVII в.
 РГБ, собр. Большакова. Ф. 37. № 153. Л. 20 об. — 21. Третья четверть XVIII в.
 РГБ, Рогожское собр. Ф. 368. № 113. Демественник. 1875.

Литература

- Алексеева Г. В.* Проблемы адаптации византийского пения на Руси. Владивосток: Дальнаука, 1996.
Артамонова Ю. В. Песнопения-модели в древнерусском певческом искусстве XI–XVIII веков: дис. ... канд. искусствовед. М., 1998.
Артамонова Ю. В. Структура и состав древнерусских кондакарей // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 1999. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1999. С. 216–221.
Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 2. Интонация. Л.: Музгиз, 1971.
Бражников М. В. Благовещенский кондакарь / вступ. ст., примеч., сверка указателей, подбор ил. Н. С. Серегиной. СПб.: ИД «Петрополис» / Российский институт истории искусств, 2015.
Бурилина Е. Л. Взаимодействие слова и напева в древнерусской монодии XVI–XVII веков (На материале певческой рукописной книги «Обиход»): автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1984.
Гарднер И. Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. 2-е изд. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. Т. 1–2.

- Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 371–414.
- Лингас А.* Церковное пение / ст. Византийская империя // Православная энциклопедия. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2004. Т. VIII. С. 350–359.
- Михаил (Желтов), свящ., Епифаний (Булаев), иеродиакон.* Стихиры воскресного Октоиха в древнем Тропологии // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 94–111. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10059>
- Народное музыкальное творчество. Учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2014.
- Никифорова А. Ю.* «Сокрытое сокровище». Значение находок 1975 года в монастыре вмц. Екатерины на Синае для истории служебной Миней // Актуальные проблемы изучения древнерусского церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): мат.-лы межд. научн. конф. 12–16 мая 2009 г.: сб. ст. / сост., отв. ред. И. Е. Лозовая. М.: Московская консерватория, 2011. (Гимнология; вып. 6). С. 8–31.
- Пождаева Г. А.* Духовная музыка Руси в ее связях с отечественной музыкальной классикой // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 9: Новые направления в современной музыкальной медиавистике: в поисках метода: Сборник статей по материалам Ежегодного международного научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения» 2020 г. / сост. и науч. ред. М. С. Егорова, А. Н. Кручинина. СПб.: Амирит, 2021. С. 256–272.
- Пождаева Г. А.* Духовная музыка славянского Средневековья. М.: Композитор, СПб.: Нестор-История. 2017.
- Пождаева Г. А.* Духовно-музыкальная культура Руси в ее связях с типологией отечественного музыкального искусства // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21 / гл. ред. О. А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 527–546. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-527-546>
- Пождаева Г. А.* Значение духовной музыки русского Средневековья для отечественной музыкальной классики // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 20 / гл. ред. О. А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 579–591. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-579-591>
- Пождаева Г. А.* Лексикология демественного пения. М.: Знак, 2010.
- Пождаева Г. А.* О типологическом различии византийской и древнерусской музыкальной письменности // Вестник славянских культур. 2013. № 4. С. 70–78.
- Пождаева Г. А.* Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007.
- Пождаева Г. А.* Ренессансные черты в русской духовной музыке второй половины XV — первой половины XVII веков. В печати.
- Пождаева Г. А.* Русско-византийские параллели в богослужебной певческой книжности XI–XIV вв. // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / отв. ред. В. М. Кириллин. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 192–221.

- Пожидаева Г. А.* Традиция древнерусской монодии в песнопениях «Типографского устава» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 80–102.
- Пожидаева Г. А.* Традиция древнерусской монодии в песнопениях «Типографского устава» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1. С. 91–104 (окончание).
- Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 3–17.
- Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.
- Скребков С. С.* Художественные принципы музыкальных стилей. М.: Музыка, 1973.
- Смоленский С. В.* Несколько новых данных о так называемом кондакарном знамені // Русская музыкальная газета. 1913. № 44, стб. 973–977; № 45, стб. 1007–1010; № 46, стб. 1039–1044; № 49, стб. 1132–1136.
- Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / под ред. Б. А. Успенского. Т. I–III. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. 2-е изд., дополн. М.: Советский композитор, 1971.
- Фролов С. В.* Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 384–386.
- Швец Т. В.* Азматик Благовещенского кондакаря // Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С. В. Смоленского / сост. и науч. ред. А. Н. Кручинина, Н. В. Рамазанова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 100–132.
- Швец Т. В.* Благовещенский кондакаръ — музыкальный памятник Древней Руси: дис. ... канд. искусствовед. СПб., 2018.
- Щуров В.* Жанры русского музыкального фольклора. В 2 ч. М.: Музыка, 2007.
- Contacarium Ashburnhamense* // *Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale IV* / ed. by C. Hoeg. Copenhagen: Munksgaard, 1956.
- Contacarium palaeoslavicum Mosquense* // *Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale VI* / ed. A. Bugge. Copenhagen: Munksgaard, 1960.
- Der altrussische Kondakar’.* Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar’ // Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven / hrsg. von Antonin Dostal und Hans Rothe und Mitarbeit von Dieter Stern und Erich Trapp. Giessen: Schmitz; Köln: Böhlau, 1976–2004.
- Floros C.* Universale Neumenkunde. Bd. I, III. Kassel-Wilhelmshöhe: Bärenreiter-Antiquariat, 1970.
- Myers Gr.* A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoie Pienie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia: Cyrillo-Methodian Research Centre, BAS, 2009.
- Rhythm in Byzantine Chant.* Acta of the Congress Held at Hernen Castle (Holland) in November 1986. Edited by Ch. Hannick. Hernen: A. A. Bredius Foundation, 1991.
- The Lavrsky Troitsky Kondakar* / ed. by G. Myers (= *Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*). T. 4. Sofia: Heron press, 1994.

References

- Alekseeva, G. V., 1996. *Problems of Adapting Byzantine Singing in Russia*. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian)
- Artamonova, Yu. V., 1998. *Chant-Models in Ancient Russian Singing Art of the 11th–18th Centuries*. Diss....cand. art history. Moscow. (In Russian)
- Artamonova, Yu. V., 1999. The Structure and Composition of Old Russian Kondakaries // *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute. Materials of 1999*. Moscow: Orthodox St. Tikhon Theological Institute, pp. 216–221. (In Russian)
- Asaf'ev, B. V., 1971. *Musical Form as a Process. Vol. 2. Intonation*. Leningrad: Muzgiz. (In Russian)
- Brazhnikov, M. V., 2015. *Blagoveshchensky Kondakar'*, introductory article, notes, comparison of indicators, selection of illustrations by N. S. Seregina. St Petersburg: Petropolis / Russian Institute of Art History. (In Russian)
- Burilina, E. L., 1984. *The Interaction of Words and Melody in Ancient Russian Monody of the 16th–17th Centuries (Based on the Material of the Singing Handwritten Book 'Obikhod')*. Abstract of dissertation... cand. art historian. Leningrad. (In Russian)
- Contacarium Ashburnhamense. In: Hoeg C., ed., 1956. *Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale IV*. Copenhagen: Munksgaard.
- Contacarium palaeoslavicum Mosquense. In: Bugge, A., ed., 1960. *Monumenta Musicae Byzantinae. Serie principale VI*. Copenhagen: Munksgaard.
- Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagovëščenskij Nižgorodskij Kondakar'. In: A. Dostal, H. Rothe und Mitarb. von Dieter Stern und Erich Trapp, eds., 1976–2004. *Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven*. Giessen: Schmitz; Köln: Böhlau.
- Floros, C., 1970. *Universale Neumenkunde*. Bd. I, III. Kassel: Kassel-Wilhelmshöhe: Bärenreiter-Antiquariat.
- Frolov, S. V., 1976. The Oldest Singing Manuscript of the Ancient Storage of the Pushkin House. *Le Works of the Department of Old Russian Literature* Leningrad: Nauka. Vol. 31, pp. 384–386 (In Russian)
- Gardner, I., 2004. *The liturgical Singing of the Russian Orthodox Church. Essence of the System and History*. Moscow: Izdatel'stvo PSTBI Publ., Vol. 1. (In Russian)
- Lingas, A., 2004. Church Singing / Byzantine Empire. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow: Church-scientific. center "Orthoslav. encyclopedia.". Vol. VIII, pp. 350–359. (In Russian)
- Mihail (Zheltov), svyashch., Epifanij (Bulaev), ierodiakon, 2018. The Hymns of the Sunday Octoechos in the Ancient Tropologion. *Christian Reading*, No 3, pp. 94–111. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10059> (In Russian)
- Myers, G. (Ed.), 1994. *The Lavrsky Troitsky Kondakar (= Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia)*. Vol. 4. Sofia: Heron press.
- Myers, Gr., 2009. A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoie Pienie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia: Cyrillo-Methodian Research Centre, BAS.

- Nikiforova, A. Yu, 2011. "The Hidden Treasure." The Significance of the Finds of 1975 in the Monastery of St. Catherine on Sinai for the History of the Service Menaiion. In: I. E. Lozovaya, ed., 2011. *Current Issues in the Study of Ancient Russian Church Singing Art: Science and Practice (On the 120th Anniversary of the Death of D. V. Razumovsky): Materials of the International Scientific Conference May 12–16, 2009: Collection of Articles*. Moscow: Moscow Conservatory, pp. 8–31. (Hymnology; vol. 6). (In Russian)
- Pashina, O. A. (Ed.), 2014. *Folk Musical Creativity. Textbook*. St Petersburg. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2021. Ancient Russian Chant. In: M. S. Egorova, A. N. Kruchinina, eds., 2021. *Paths in Time. Vol. 9: New Directions in Contemporary Musical Medieval Studies: In Search of a Method. Collection of Articles from the Annual International Scientific and Creative Symposium "Bražnikov Readings" 2020*. St Petersburg: Amirit, pp. 256–272. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2022. The spiritual and musical culture of Rus in its connections with the typology of domestic musical art. In: O. A. Tufanova, ed., 2022. *Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection No. 21*. Moscow: IMLI RAN, pp. 527–546. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-527-546>. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2021. The significance of spiritual music of the Russian Middle Ages for domestic musical classics. In: O. A. Tufanova, ed., 2021. *Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection No. 20*. Moscow: IMLI RAN, pp. 579–591. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-579-591>. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2010. *Lexicology of Demestvenny Chant*. Moscow: Znak. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2013. On the Typological Difference between Byzantine and Old Russian Musical Notation. *Bulletin of Slavic Cultures*, no. 4, pp. 70–78. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2007. *Singing Traditions of Ancient Rus. Essays on Theory and Style*. Moscow: Znak. (In Russian)
- Pozhidaeva G.A., 2017. Sacred Music of the Slavic Middle Ages. Moscow: Composer, St. Petersburg: Nestor-History. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., in print. *Renaissance Features in Russian Sacred Music of the Second Half of the 15th — First Half of the 17th Centuries*. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2015. Russo-Byzantine parallels in liturgical singing books of the XI–XIV centuries. In: V. M. Kirillin, ed., 2015. *Ancient Rus': The Space of the Book Word. Historical and Philological Studies*. Moscow: Languages of Slavic Culture, pp. 192–221. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2005. The tradition of ancient Russian monody in the chants of the 'Typographic Charter'. *Ancient Russia. Issues of Medieval Studies*, no. 4, pp. 80–102. (In Russian)
- Pozhidaeva, G. A., 2006. The tradition of ancient Russian monody in the chants of the 'Typographic Charter'. *Ancient Russia. Issues of Medieval Studies*, no. 2006, № 1. C. 91–104. (In Russian)
- Prohorov, G. M., 1979. The cultural uniqueness of the time of the Kulikovo Battle. *Works of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad: Science, Vol. 34, pp. 3–17. (In Russian)
- Rhythm in Byzantine Chant. Acta of the Congress Held at Hernen Castle (Holland) in November 1986. Edited by Ch. Hannick. Hernen: A. A. Bredius Foundation, 1991.

- Shvets, T.V., 2008. Azmatik of the Blagoveshchensky Kondakar. In: A. N. Kruchinina, N. V. Ramazanova, eds., 2008. *Greco-Russian Singing Parallels. To the 100th Anniversary of the Athos Expedition of S. V. Smolensky*. Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, pp. 100–132 (In Russian)
- Shvets, T.V., 2018. *The Blagoveshchensky Kondakar is a musical monument of Ancient Rus'*. Diss. ...cand. art historian. St Petersburg. (In Russian)
- Shchurov, V., 2007. *Genres of Russian musical folklore. In 2 parts*. Moscow: Muzyka.
- Sinicyna, N. V., 1998. *The Third Rome: Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Skrebkov, S. S., 1973. *Artistic Principles of Musical Styles*. Moscow: Muzyka. (In Russian)
- Smolensky S. V., 1913. *Some new data on the so-called kondakarny Notation* // Russian Musical Newspaper. No. 44, columns 973–977; No. 45, columns 1007–1010; No. 46, columns 1039–1044; No. 49, columns 1132–1136. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (Ed.), 2006. *Typography Charter: Charter with the Kondakar from the End of the 11th – Beginning of the 12th Century*. Vols. I–III. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russian)
- Uspenskij, N. D., 1971. *Ancient Russian singing art*. 2nd ed., revised. Moscow: Soviet Composer. (In Russian)
- Zhukovskaia, L. P., 1987. Grecism and Archaicism Russian Letters in the 2nd half of XVth — 1st half of the XVIth Century. *The old Russian Literary Language in its Relation to Old Church Slavonic*. Moscow: Nauka Publ., pp. 45–62. (In Russian)